

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).

Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 808.51+811.1613'42+81'25

ББК ШП18+ШП41.13-51+ШП41.13-55

ГРНТИ 16.31.41

Код ВАК 5.9.8

Ольга Аюровна Цыбенова

Литературный институт им. М. Горького, Москва, Россия, tabu_olga@mail.ru, SPIN-код: 3328-9972

Авторская интенция и эмоциональные акценты в переводе политического дискурса

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется влияние политической конъюнктуры и глобальной геополитической ситуации на перевод общественно-политических текстов с русского языка на монгольский язык на примере выступления президента Республики Беларусь Александра Лукашенко. Основной целью исследования является изучение точности и корректности передачи эмоционально-оценочной составляющей и авторской интенции в процессе перевода этого текста на монгольский язык. Для достижения данной цели был применен комплексный методологический подход, включающий дискурсивный, прагматический и сравнительный анализы. В рамках исследования проведен анализ оригинального текста выступления, а также его перевода на монгольский язык. Особое внимание уделено оценке точности передачи ключевых смысловых и эмоциональных элементов, а также выявлению возможных расхождений и искажений. Результаты исследования показывают, что перевод общественно-политических текстов в условиях изменяющейся геополитической ситуации может существенно изменять восприятие и интерпретацию оригинального сообщения. В частности, в переводах были выявлены случаи, когда эмоционально-оценочные аспекты и авторская интенция были смещены или искажены, что могло привести к изменению общего восприятия текста у целевой аудитории. Настоящая работа вносит значительный вклад в область переводоведения, поскольку на данный момент отсутствуют методические разработки и исследования, посвященные общественно-политическому переводу с русского языка на монгольский и с монгольского на русский язык. Полученные данные могут быть полезны для переводчиков, исследователей политической лингвистики и специалистов по межкультурной коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, политические деятели, политическая риторика, политические речи, публичные выступления, белорусские президенты, Александр Лукашенко, лингвоперсонология, языковая личность, языковые средства, переводоведение, политические переводы, переводческая деятельность, русский язык, монгольский язык, дискурсивный анализ, прагматический анализ, эмоционально-оценочная составляющая, межкультурная коммуникация, политическая лингвистика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Цыбенова Ольга Аюровна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра художественного перевода, Литературный институт им. М. Горького; 123104, Россия, Москва, Тверской бульвар, д. 25; email: tabu_olga@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цыбенова, О. А. Авторская интенция и эмоциональные акценты в переводе политического дискурса / О. А. Цыбенова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 206-217.

Ol'ga A. Tsybenova

Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russia, tabu_olga@mail.ru, SPIN code: 3328-9972

The Author's Intention and Emotional Emphases in Political Speech Translation

ABSTRACT. The article analyzes the influence of the political context and the global geopolitical situation on the translation of socio-political texts from Russian into Mongolian on the example of the speech of Alexander Lukashenko, President of the Republic of Belarus. The main aim of the study is to examine the accuracy and correctness of conveying the emotional-evaluative constituent and the author's intention in the process of translation of this text into Mongolian. In order to achieve this aim, the author employs a complex method, including discursive, pragmatic and comparative analyses. The study analyzes the original text of the speech and its translation into Mongolian. Special emphasis is placed on assessing the accuracy of translating essential semantic and emotional elements, as well as identifying possible discrepancies or distortions. The results of the study show that the translation of socio-political texts in the changing geo-political context can significantly alter the perception and interpretation of the source-language message. In particular, the translations revealed instances where the emotional-evaluative aspects and the author's intention were shifted or distorted, potentially leading to a change in the overall perception of the text by the target audience. This research makes a notable contribution to the field of translation studies, as there are currently no methods guides or studies dealing with socio-political translation from Russian into Mongolian and vice versa. The findings might be useful for translators, scholars of political linguistics, and specialists in intercultural communication.

KEYWORDS: political discourse, political texts, politicians, political rhetoric, political speeches, public speeches, Belarusian presidents, Alexander Lukashenko, linguopersonology, linguistic personality, language means, translation studies, political translations, translation, Russian language, Mongolian language, discourse analysis, pragmatic analysis, emotional-evaluative constituent, intercultural communication, political linguistics.

AUTHOR'S INFORMATION: *Tsybenova Ol'ga Ayurovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literary Translation, Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Tsybenova O. A. (2024). The Author's Intention and Emotional Emphases in Political Speech Translation. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 206-217. (In Russ.).*

В современном мире межкультурные контакты становятся всё более интенсивными, временами и напряженными. Политическая конъюнктура, международные санкции и конфликты влияют на восприятие информации. В этом свете речь политиков, особенно глав государств, приобретает особое значение, так как она не только отражает позицию страны, но и оказывает непосредственное влияние на международные отношения и общественное мнение.

Политическая речь включает в себя широкий спектр текстов и высказываний, создаваемых политиками, правительственными организациями и другими субъектами политической сферы для воздействия на общественность. В этой связи политический дискурс в современной лингвистике рассматривается с различных теоретических и методологических позиций, сосредотачиваясь на различных аспектах анализа политической речи.

Понятийные категории политического дискурса, его структурные элементы и характерные свойства были сформулированы в трудах таких исследователей, как В. З. Демьянков, М. В. Гаврилова, Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. Ф. Русакова, Перельгут Н. М. [Демьянков 2002: 31-44; Гаврилова 2002: 88-108, 2004: 127-139; Шейгал 2004; Чудинов 2006; Будаев, Чудинов: 2006; Русакова 2006: 26-43; Перельгут 2013: 35-41, Будаев 2016: 12-17]. Кроме того, в коллективной монографии «Слово в действии: интен-анализ политического дискурса» представляется авторская методика изучения конфликтного политического дискурса через интен-анализ, где политический дискурс рассматривается с точки зрения намерений и целей коммуникатора [Слово в действии: интен-анализ политического дискурса 2000].

Лингвостилистический анализ политических текстов является одним из ключевых направлений исследований в области политической лингвистики. Исследования А. П. Чудинова, Э. В. Будаева, А. Д. Васильева и др. сосредоточены на изучении ключевых когнитивных инструментов, таких как метафора, эпитеты, и других риторических приемов, используемых в политической риторике [Чудинов 2003; Будаев 2006: 67–75, 2007: 19–35; Будаев, Чудинов 2008: 37–48; Васильев: 2017: 216]. Работы данных авторов стали теоретической и методологической базой последующих исследований в этом направ-

лении, значительно продвинув понимание того, как язык в политических текстах используется для создания и поддержания идеологического и эмоционального воздействия на аудиторию.

В фокусе внимания исследователей, занимающихся дискурсивным анализом, находятся не только структура и содержание политических текстов, но и культурные, политические контексты, в которых они создаются и воспринимаются [Шейгал 2007: 86–93; Волкодав 2007; Будаев, Чудинов 2008; Чудинов 2012: 53–59; Борисенко 2017].

В то же время политический дискурс изучается и с точки зрения прагматического анализа, что позволяет исследовать, как политические акторы используют язык для достижения своих целей — воздействия на аудиторию и манипулирования общественным мнением [Цурикова 2001; Михалева 2005; Борисенко 2017; Савельева 2022; и др.].

Особое место в изучении политического дискурса занимает анализ исследований, связанных с межкультурными аспектами. В рамках исследований данной области особое внимание уделяется тому, как политическая речь адаптируется под различные культурные аудитории и как перевод и интерпретация политических текстов влияют на их восприятие в разных культурных контекстах [Попова 1995; Бокмельдер 2000; Волкова 2010; Будаев 2011; Бродский 2011: 103–111; Степанова 2016: 245–248; Дискурсивные маркеры: прагмалингвистический и прагмалингводидактический аспекты: 2020]. Именно дискурсивный и прагматический анализы помогают выявить потенциальные источники недопонимания и конфликта, возникающие из-за различий в культурных кодах и восприятии. В этом контексте изучение политической речи становится не только лингвистическим, но и междисциплинарным, объединяющим социологию, культурологию и политологию.

В основе данного исследования лежат материалы выступления президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко перед представителями СМИ в Монголии, а также статьи на монгольском языке, созданные на базе данного заявления. Использование прагматического анализа позволило нам оценить выступление А. Г. Лукашенко относительно контекста, целей и воздействия на аудиторию. Данный метод помог определить ключевые прагматические стратегии речи

президента Беларуси и проанализировать их передачу в монгольском переводе. Также использовался дискурсивный анализ для изучения структуры и содержания выступления с целью выявления ключевых тем, нарративов, коммуникативных стратегий, дискурсивных маркеров и их интерпретации в статьях на монгольском языке. Кроме этого, нами был использован сравнительный анализ для оценки точности и корректности передачи эмоционально-оценочной составляющей и авторской интенции в монгольском переводе для того, чтобы выявить расхождения и искажения при сопоставлении оригинального текста с переводным текстом.

С 1 по 4 июня 2024 года в Монголию с государственным визитом прибыл президент Республики Беларусь Александр Лукашенко. Монгольские СМИ неоднозначно освещали этот государственный визит, отражая как позитивные, так и критические точки зрения. Некоторые монгольские СМИ подчёркивали значимость визита для укрепления двусторонних отношений, важность подписанных соглашений в сфере торговли, инвестиций и культурного обмена, обсуждались перспективы экономического сотрудничества, которое может принести обоюдную выгоду. В то же время, ряд публикаций выразили критическое отношение к визиту, выражая обеспокоенность по поводу тесного взаимодействия с Беларусью в условиях международных санкций и политической изоляции этой страны. Критики визита ставили под сомнение целесообразность заключения новых договоров, указывая на потенциальные риски для имиджа Монголии на международной арене. Кроме того, определённая часть монгольской прессы акцентировала внимание на неоднозначных высказываниях Лукашенко о политической ситуации на Украине и его поддержке России, что вызвало резонанс в обществе и дискуссии о политических приоритетах Монголии. Обозреватели высказывали мнения о необходимости сбалансированного подхода и выражали опасения по поводу возможного ухудшения отношений с западными партнёрами.

Таким образом, освещение визита Президента Беларуси в монгольских СМИ было разнонаправленным, отражая как позитивные, так и критические точки зрения, что свидетельствует о поляризации мнений и значимости данного события для общественно-политической жизни Монголии.

Безусловно, речь политика выполняет множество различных функций и целей. Она направлена на информирование публики о важных событиях и политических инициативах, а также на убеждение аудитории в зна-

чимости этих действий, для обоснования и защиты спорных решений, уменьшая критику и обеспечивая понимание и поддержку обществу. Важно, как подчеркивает М. К. Дементьева, чтобы «комплекс составляющих его языковых и речевых средств вызывал определенную когнитивную и эмоциональную реакцию аудитории» [Дементьева 2009: 82–92].

В этом контексте рассмотрим выступление Александра Лукашенко в Монголии, которое является ярким примером политической речи, выполняющей все вышеуказанные функции. Данное выступление не только информирует о результатах переговоров и достигнутых соглашениях, но и стремится убедить монгольскую аудиторию в значимости сотрудничества с Беларусью. Лукашенко также использует исторические параллели и культурные символы для легитимизации своих действий и укрепления своего авторитета. Он призывает к поддержке инициатив и сотрудничества, объясняя свою поддержку России в контексте конфликта с Украиной и стремясь уменьшить критику своих действий. Рассмотрим основные аспекты этого выступления более подробно.

Дискурсивный контекст выступления Александра Лукашенко демонстрирует следующие основные ключевые темы, нарративы, коммуникативные приемы и дискурсивные маркеры. Основные темы его выступления включают вопросы установления дружеских отношений, экономического сотрудничества. Нарративы данного фрагмента текста, указывающие на идентичность геополитических вызовов, связанных с географическим положением двух стран, создают ощущение общности и солидарности между Беларусью и Монголией. Остановившись на данных вопросах, президент Беларуси подчеркивает общие трудности и вызовы, характерные для Монголии и Беларуси: *У Монголии, как и у Беларуси, есть большие соседи и много искренних друзей по всему миру. Поэтому нам близок, понятен и очень импонирует прагматичный подход Улан-Батора по внешней политике. Вам очень сложно, мы в такой же ситуации находимся, лишённые выхода к морям. Вы зажаты двумя империями, как в народе говорят. Мы также. С одной стороны одна империя, с другой Евросоюз, другая империя. И я знаю, что такое жить в этом хорошем соседстве.*

Данный отрывок выступления с точки зрения прагматического анализа нацелен на установление эмоциональной связи с монгольской аудиторией, подчеркивая общие проблемы и трудности, с которыми сталкиваются обе страны. Выделив общие геополитические

литические проблемы, Лукашенко создает основу для дальнейшего обсуждения сотрудничества и взаимопомощи. Коммуникативные стратегии, такие как обращение к общим трудностям, сравнение и параллели (...*лишённые выхода к морям, Вы зажаты двумя империями... Мы также...*), личное свидетельство (...*И я знаю, что такое жить в этом хорошем соседстве*) способствуют положительному восприятию речи, помогают эффективно донести свои идеи и в дальнейшем укрепить двухсторонние отношения между странами.

В данном фрагменте выступления А. Лукашенко использует различные дискурсивные маркеры, которые помогают ему структурировать и усилить своё выступление. Маркеры эмпазы «*как в народе говорят...*», «*и я знаю, что такое...*», акцентируя внимание слушателей на значимых аспектах речи, подчеркивают важность и искренность сказанного, усиливая эмоциональное воздействие на аудиторию. Маркеры солидарности «*У Монголии, как и у Беларуси...*», «*нам близок, понятен...*», «*мы в такой же ситуации*», «*мы также*», показывающие общность и сходство между Беларусью и Монголией, создают ощущение единства и взаимопонимания, что важно для установления доверительных отношений с аудиторией. Маркеры противопоставления, такие как «*С одной стороны... с другой...*», помогают показать контрасты и сравнить различные аспекты обсуждаемой темы, что делает речь более убедительной и структурированной. Данные дискурсивные маркеры играют важную роль в создании эмоциональной связи с аудиторией, способствуя эффективной коммуникации и достижению целей выступления.

Переходя к нарративам экономического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества, Лукашенко акцентирует внимание на потенциал взаимовыгодных экономических отношений между Беларусью и Монголией, подчеркивает высокотехнологичность своей страны и готовность решать широкий спектр задач, что делает Беларусь конкурентоспособным партнером на международной арене. Между тем Лукашенко, используя прием противопоставления для демонстрации искренности своих намерений: «*...Мы не приехали сюда выгоду какую-то найти*», — объясняет, что текущий товарооборот между странами очень мал, что делает любые обвинения в корыстных целях беспочвенными: «*У нас товарооборот порядка 30 миллионов долларов, так? Мизерный*». Это помогает ему дискредитировать критику монгольской оппозиции и показать искренность сво-

их намерений. Такое прямое обращение к оппозиции и критикам визита помогает нейтрализовать негативные мнения, показывая готовность к открытой дискуссии и аргументации своих действий. Упоминание о низком товарообороте и интересе его увеличить для взаимного блага создаёт образ альтруистического партнера.

Использование дискурсивного маркера уверенности «*должен сказать*» показывает уверенность говорящего в своих утверждениях, придает речи авторитетность и решительность, что вызывает уважение и доверие у аудитории. Маркер эмпазы «*по-моему*», выделяя личное мнение, помогает подчеркнуть важные моменты и придать им дополнительную значимость, что усиливает эмоциональное воздействие на слушателей. Обращения, такие как «*мы...*», «*для вторых, оппозиционеров...*», «*с президентом*», помогают адресовать конкретные части высказывания определенным людям или группам, создавая ощущение диалога и персонализации. Это способствует установлению более тесной связи с аудиторией и повышению ее вовлеченности. Маркеры смены темы, такие как «*так вот...*», сигнализируют переход к новой теме или аспекту обсуждения, маркеры противопоставления, например, «*но не ради...*», «*ни... а...*», «*...и...и...*», выражают контрасты и сравнения, что способствует аргументации, а маркеры причинно-следственной связи, такие как «*поэтому...*», «*если...*», «*и в этом плане...*», указывая на логическую связь между частями высказывания, обеспечивают связность и последовательность текста, помогая аудитории лучше понять аргументацию и выводы говорящего. Кроме того, точные данные о товарообороте и перечисление возможных сфер сотрудничества обеспечивают аудиторию рациональными доводами, что делает аргументы Лукашенко более убедительными.

Кроме того, в своем выступлении А. Лукашенко обращает внимание на взаимодействие Монголии с ЕАЭС. Нарративы поддержки и солидарности Беларуси в расширении экономического сотрудничества Монголии со странами ЕАЭС, а также укрепления авторитета и позиций Беларуси в международных экономических процессах, в частности в деятельности ЕАЭС, составляют одну из ключевых тем его выступления. Данный фрагмент выступления А. Лукашенко демонстрирует умелое владение им прагматическими стратегиями. Обращаясь к монгольской оппозиции, он задает риторический вопрос: «*Мы-то какую тут выгоду получаем, если мы поддержим ваши контакты с Евразийским экономическим сою-*

зом?». Эта фраза используется для нейтрализации возможной критики, подчеркивая, что Беларусь не преследует корыстных целей. Он подчеркивает, что Монголия должна развивать широкое взаимодействие со своими ближайшими соседями, включая страны ЕАЭС, и выражает готовность Беларуси «подставить свое плечо», демонстрируя солидарность и поддержку.

В данном фрагменте выступления А. Лукашенко используются различные дискурсивные маркеры, которые помогают структурировать и эмоционально усилить выступление. Маркеры уверенности, такие как «считаю, что ...» и «мы готовы...», выражают уверенность говорящего в необходимости действий и демонстрируют готовность к поддержке и сотрудничеству. Маркеры эмфазы, например, «извините, что я ...» и «мы-то какую тут выгоду поймеем?», «так что же здесь плохого?», подчеркивают важность и искренность сказанного, усиливая эмоциональное воздействие на аудиторию. Обращения, такие как «господин президент» и «соперникам вашей оппозиции», адресуют конкретные части высказывания определенным людям, что помогает уточнить адресатов и создать ощущение диалога. Организационные маркеры, такие как «опять же хочу обратиться», сигнализируют переход к новой теме или аспекту обсуждения, помогая поддерживать логическую структуру речи. Маркеры противопоставления, например, «если мы...», выражают противопоставление и способствуют аргументации. Маркер причинно-следственной связи, такой как «и не только ..., а ...», указывает на логическую связь между частями высказывания, обеспечивая последовательность и связность текста.

Визит белорусской делегации совпал с предстоящими парламентскими выборами в Монголии, поэтому говорящий подчеркивает важность предстоящих парламентских выборов для Монголии, выражая свою поддержку и пожелания успеха и процветания. Выражения поддержки и пожеланий монгольскому народу в преддверии выборов, такие как «Я очень хотел бы и желаю пройти эту выборную кампанию вам и всему монгольскому народу. Я желаю вам мира, добра и процветания», создают позитивный эмоциональный фон и укрепляют чувство дружбы и солидарности между народами. Благодарность президенту Монголии за хорошую атмосферу для переговоров подчеркивает признательность и уважение, что способствует укреплению межличностных и дипломатических связей.

В этом фрагменте используются различные дискурсивные маркеры, такие как мар-

керы уверенности, «я очень хотел бы и желаю...» и «я просто хотел вам очень коротко сказать, по сути...», подчеркивающие уверенность и намерение говорящего, придающие его словам авторитетность и вес. Маркеры эмфазы, например: «от всей души» и «я историк, поэтому кое-что в истории сообщаю» — акцентируют внимание на искренности и значимости сказанного, помогая выделить ключевые моменты и усилить эмоциональное воздействие на слушателей. Обращения, такие как «гражданин президент», «я редко бываю в Монголии, как вы видите», адресованные определенным людям или группам, способствуют установлению более тесной связи с аудиторией и повышению ее вовлеченности.

Контекст следующего фрагмента выступления Александра Лукашенко отражает его намерение обосновать и оправдать действия Беларуси в международной политике, в частности, относительно специальной военной операции России на Украине. Обращаясь к монгольской аудитории, он подчеркивает свою осведомленность о восприятии его визита в международных и местных СМИ, отмечая негативное отношение части монгольского населения к помощи Беларуси России. Лукашенко использует историческую параллель, сравнивая действия Чингисхана по защите своей империи с современными действиями России и Беларуси. Это сравнение служит для оправдания поддержки России, утверждая, что великие державы всегда защищали свои интересы и соотечественников. Он также упоминает распад Советского Союза, подчеркивая роль Запада в этом процессе, и формирует нарратив угрозы, где действия России и Беларуси представлены как меры по защите суверенитета и исторической справедливости.

В данном фрагменте также присутствуют маркеры смены темы, такие как «и если вы мне позволите» и «я заметил одну вещь», которые сигнализируют переход к новой теме или аспекту обсуждения, поддерживая логическую структуру речи и плавность переходов между различными частями высказывания.

В последнем фрагменте своего выступления Лукашенко обсуждает конфликт между Украиной и Россией, подчеркивая вмешательство Запада и оправдывая действия России. Он использует исторические параллели, упоминая фигуру Чингисхана, чтобы оправдать действия России и Беларуси, а также обсуждает введение международных санкций против России и Беларуси и их последствия. Упоминание попыток мирных переговоров и их срыва из-за вмешательства За-

пада служит для критики западной политики, которую Лукашенко обвиняет в стремлении к дестабилизации региона. Он также подчеркивает тесные связи с Россией и оправдывает поддержку этой страны, формируя нарративы угрозы и защиты, исторической справедливости и солидарности и дружбы.

Лукашенко часто использует риторические вопросы и личные утверждения, чтобы выразить уверенность в своих словах. Например: «*Что же произошло между Украиной и Россией?*». Этот вопрос подчеркивает, что он знает ответ и намерен представить его аудитории. Утверждения, такие как «*Я это хорошо знаю...*», подкрепляют его авторитет и уверенность в знании ситуации, способствуя убеждению аудитории в его правоте. Повторения и акценты, такие как «*Наша, родная, дружеская Украина...*», усиливают эмоциональное воздействие, производя сильное впечатление на слушателей.

Обращения к аудитории являются важной частью риторики Лукашенко. Он часто обращается к монгольской аудитории напрямую, используя примеры, понятные и значимые для них. Например, он говорит: «*Почему монголы сегодня, имея параллель с Чингисханом, которому вы преклоняетесь?*», «*Но при чем здесь Чингисхан?*» — связывая современную ситуацию с известными историческими личностями и событиями, чтобы создать эмоциональную связь и вызвать симпатию.

Противопоставления помогают Лукашенко выделять контрасты и делать свои аргументы более убедительными. Фразы, такие как «*Мы что, с ними должны были по-прежнему дружить? Нет*», четко показывают, что ожидания и реальность не совпадают. Это помогает усилить его аргументы и подчеркнуть важные различия. Для объяснения причин и следствий Лукашенко использует маркеры причинно-следственной связи. Фразы, такие как «*За что? Запад приказал...*» и «*Поэтому я хотел бы, чтобы монголы это понимали*», ясно показывают логическую связь между событиями и действиями, делая его аргументы более последовательными и понятными.

Таким образом, анализ выступления Александра Лукашенко в Монголии показывает его умелое использование дискурсивных и прагматических стратегий для оправдания внешней политики Беларуси, укрепления дипломатических связей и формирования положительного имиджа страны. Лукашенко обращается к историческим параллелям, личному опыту и эмоциональным аспектам, чтобы создать нарративы угрозы, защиты, солидарности и дружбы. Примене-

ние дискурсивных маркеров уверенности, эмфазы, обращения, смены темы, противопоставления и причинно-следственной связи позволяет ему эффективно структурировать свою речь, вызвать эмоциональный отклик и убедить аудиторию в правоте своих действий. Эти стратегии способствуют достижению целей его выступления, нейтрализации критики и укреплению поддержки среди монгольской аудитории.

Комплексное исследование выступления А. Лукашенко с точки зрения дискурсивного и прагматического анализа позволяет получить точное понимание авторской интенции и оценочно-эмоциональной составляющей его речи. Дискурсивный анализ выявляет ключевые темы, нарративы и риторические приемы, которые автор использует для структурирования и усиления своих аргументов. Например, использование исторических параллелей, таких как сравнение действий России и Беларуси с действиями Чингисхана, подчеркивает легитимность и справедливость современных политических решений. Прагматический анализ, в свою очередь, помогает понять контекст и цели коммуникации, выявляя стратегические приемы, направленные на укрепление дипломатических связей, оправдание внешней политики и нейтрализацию критики.

Такой подход позволяет глубже проникнуть в смысл и эмоциональную окраску выступления, выявить скрытые намерения и цели автора, что важно для точного и адекватного перевода. Переводчики, сталкиваясь с задачей перевода политических выступлений, должны применять подобные методы анализа. Это помогает сохранить не только основное содержание текста, но и его эмоционально-оценочные оттенки и авторскую интенцию. Журналист (переводчик) должен уметь передать те же эмоции и намерения, которые вложил автор, чтобы читатели переводного текста могли ощутить то же, что и слушатели оригинального выступления. Таким образом, комплексный анализ дискурса и прагматики является необходимым инструментом для качественного и точного перевода политических текстов.

На основе данного выступления Александра Лукашенко в монгольских СМИ появился ряд статей о государственном визите А. Лукашенко в Монголию. В дальнейшем мы проведем оценку точности передачи ключевых смысловых и эмоциональных элементов в переводе, чтобы выявить возможные расхождения и искажения. Важно проанализировать, насколько адекватно переводчик передал контекстуальные и прагматические аспекты речи Лукашенко.

В настоящее время в Монголии издается около 200 газет и журналов. Все они освещали визит А. Г. Лукашенко в Монголию, предоставляя различную интерпретацию событий и комментариев по поводу встреч и переговоров. Большинство изданий акцентировали внимание на значимости визита для укрепления двусторонних отношений, отмечая подписанные соглашения в области торговли, инвестиций и культурного обмена. Тем не менее есть СМИ, которые выражали обеспокоенность по поводу политической обстановки и международных санкций против Беларуси, критикуя взаимодействие с этой страной.

Следует отдельно уделить внимание 3 статьям: «Лукашенко: Бид ямар нэгэн ашиг хайж Монголд ирээгүй» (Лукашенко: «Мы не приехали в Монголию искать выгоду»), «А. Г. Лукашенко Украин руу дайрсан Оросын үйлдлийг Чингис хааныхтай адил гэв» (А. Г. Лукашенко сравнил действия России по вторжению* в Украину с действиями Чингисхана), «А. Г. Лукашенко: Хэвлэлүүд Беларусийг Монголын дайсан мэт харуулж байгаад харамсаж байна» (А. Г. Лукашенко: «Сожалеу, что СМИ изображают Беларусь как врага Монголии»). Как указывает А. П. Чудинов, «самая сильная (привлекающая максимальное внимание читателей) позиция в тексте — это заголовок» [Чудинов 2003:125], который не только повысит интерес читателя к самой статье, но и усилит восприятие ключевых посылов, отражая важность поднятых тем. Таким образом, эмоциональная составляющая его выступления сыграла значимую роль в формировании заголовков и содержания статей в монгольских СМИ, способствуя более глубокому и эмоционально насыщенному восприятию его слов.

Рассмотрим статью на «Лукашенко: Бид ямар нэгэн ашиг хайж Монголд ирээгүй» (Лукашенко: «Мы не приехали в Монголию искать выгоду»). В целом журналист М. Наранжаргал корректно отразила часть, касающуюся совместного сотрудничества. В статье журналист пишет о том, что Лукашенко поддерживает стремление Монголии заключить временное соглашение с ЕАЭС. Также упоминает об увеличении товарооборота и открытии путей для экспорта из Монголии в Беларусь. В оригинальном тексте выступления подчеркивается необходимость тесного взаимодействия с ближайшими соседями и готовность Беларуси оказать поддержку Монголии в этом процессе. Тут же Лукашенко отмечает, что без согласия Беларуси не будет заключен ни один договор.

фрагмент статьи	фрагмент выступления А. Лукашенко
<i>Иймд эдгээр улстай муу харилцаатай байвал аль ч улс орон та бүхэнтэй хамтран ажиллахыг хүсэхгүй гэж Лукашенко хэллээ». (Поэтому Лукашенко заявил, что ни одна страна (наше примеч. страна из состава ЕАЭС) не захочет с вами сотрудничать, если у вас с этими странами плохие отношения.</i>	Без нашего согласия Евразия не заключит ни один договор, ни с Монголией, ни с другим государством. Так что же здесь плохого? Со своей стороны мы в долгу не останемся.

В переводе данного фрагмента монгольской статьи указано, что плохие отношения с этими странами могут помешать сотрудничеству Монголии со странами ЕАЭС, что меняет смысл оригинального высказывания, искажая слова Лукашенко. Отсутствует конкретное упоминание о невозможности заключения договоров без согласия Беларуси, что ослабляет позицию Лукашенко. Такое искажение слов Лукашенко в переводе ведет к изменению восприятия его речи монгольской аудиторией. Тем самым ослабляет акценты на необходимости сотрудничества и готовности Беларуси оказать поддержку.

Кроме того, в статье были выявлены отличия в передаче речи Лукашенко:

фрагмент статьи	фрагмент выступления А. Лукашенко
<i>Монгол, Беларусь, дэлхий дахины хэвлэл мэдээллийн ажилтнуудад хандаж миний Монгол Улсад хийж буй айлчлалын талаар нэг асуудлыг тодорхой болгохыг хүсч байна. Монгол Улсын иргэдийн зарим нь Беларусиаас нийлүүлж буй тоног төхөөрөмжийг сөргөөр хүлээж авсан. ОХУ-аас Украинд явуулж буй цэргийн тусгай ажиллагаатай уялдуулж, бидний хамтын ажиллагааг сөргөөр хүлээж авсан байна. (Хотел бы уточнить один вопрос относительно моего визита в Монголию перед представителями СМИ Монголии, Беларуси и мира. Некоторые граждане Монголии негативно восприняли поставку оборудования из Беларуси. Наше сотрудничество вызвало негативную реакцию, это связано со специальными военными операциями России на Украине).</i>	В Монголии часть населения негативно восприняла помощь Беларуси, которую мы предоставили Российской Федерации в связи с проведением специальной военной операции в Украине.

В монгольской статье подчеркивается негативная реакция на поставки оборудования, тогда как Лукашенко в своем выступлении говорит о негативном восприятии помо-

щи Беларуси России во время специальной военной операции на Украине среди некоторых жителей Монголии. Эти расхождения могут влиять на восприятие намерений и действий Лукашенко монгольской аудиторией, что подчеркивает важность точности и аккуратности в переводе политических выступлений для сохранения авторской интенции и оценки.

В статье М. Наранжаргал встречается предложение «*Чингис хааны үеийн Монгол их гүрний түүх бол агуу түүх*» (История великой Монгольской империи времен Чингисхана — великая история), которое выглядит изолированным и не имеет связи с предыдущими и последующими предложениями. В исходном тексте, в выступлении Лукашенко, это упоминание является частью более широкой риторической стратегии, где он проводит параллели между действиями Чингисхана по защите своей империи и современными действиями России и Беларуси. Это сравнение играет ключевую роль в обосновании и легитимизации его позиции, выдвигая на передний план историческую преемственность и оправданность таких действий. К тому же отсутствие связности в переводе, нарушающее целостность и логическую структуру аргументации, может привести к недопониманию или искажению первоначальных намерений оратора. Это особенно критично в политической риторике, где каждое слово и каждая связь между предложениями могут влиять на восприятие и интерпретацию всей речи.

Далее, анализируя еще один фрагмент этой статьи, мы обнаружили следующие отличия в передаче информации из выступления Лукашенко, отличающиеся по полноте информации, эмоциональной и риторической составляющей.

фрагмент статьи

ОХУ бол бидний холбоотон улс. Бид хамтарсан олон төсөл хөтөлбөр хэрэгжүүлж байгаа. ОХУ бол бидний хамгийн дотны анд нөхөр. Хоёр улсын хооронд байгуулсан бүхий л эрх зүйн баримт бичгийг үндэслэн бид ямагт Оросын талд байна. — Россия — наш союзник. Мы реализуем множество совместных проектов. Россия — наш самый близкий друг. Мы всегда на стороне России, руководствуясь юридическими документами, подписанными между нашими странами.

фрагмент выступления
А. Лукашенко

Мы пытаемся выстроить с Российской Федерацией союзное государство. Общее отечество. Два суверенных государства. Хороший проект. Это наши самые близкие братья. Мы живем, думаем и разговариваем на одном языке. Поэтому, согласно всем юридическим нашим подписанным договорам, я действую.

В выступлении А. Лукашенко говорится о стремлении создать союзное государство, подчеркивается, что это проект двух суверенных государств. В своей статье монгольский журналист этот аспект упускает, упоминает лишь о существовании сотрудничества и реализации совместных проектов. Также Лукашенко подчеркивал братские отношения и культурное единство (*Это наши самые близкие братья. Мы живем, думаем и разговариваем на одном языке*), используя эмоционально насыщенные выражения, в монгольской статье используется более сухое выражение «*наш самый близкий друг*», что снижает эмоциональное воздействие. В последнем предложении из фрагмента выступления Лукашенко говорит о своей роли и ответственности в выполнении обязательств, в статье же указывает на коллективную поддержку и единство Беларуси с Россией. Основываясь на этом, можно утверждать, что данные различия могут существенно влиять на восприятие выступления монгольской аудиторией и, как следствие, на интерпретацию политики и намерений Беларуси.

Следующая статья ««А. Г. Лукашенко: Хэвлэлүүд Беларусийг Монголын дайсан мэт харуулж байгаад харамсаж байна» (А. Г. Лукашенко: «Сожалею, что СМИ изображают Беларусь как врага Монголии») сосредоточена на фрагментах речи Лукашенко о поддержке Беларуси России в контексте СВО, тогда как предыдущая статья охватывала также тезисы о двустороннем экономическом сотрудничестве Монголии и Республики Беларусь. В статье «А. Г. Лукашенко Украин руу дайрсан Оросын үйлдлийг Чингис хааныхтай адил гэв» темы и нарративы, позаимствованные из выступления Лукашенко, в основном, переданы верно. Тем не менее, есть некоторые неточности:

1) Как и в предыдущей статье «Лукашенко: Бид ямар нэгэн ашиг хайж Монголд ирээгүй», автор допускает неточность в передаче текста, касающегося негативных откликов монгольского населения по поводу помощи, которую Беларусь оказывает России во время СВО (*Монгол Улсын иргэдийн зарим хэсэг нь Беларусь улсын зүгээс нийлүүлж байгаа тоног төхөөрөмжийг сөргөөр хүлээж авсан. Энэ нь бол ОХУ-аас Украин улсад явуулж байгаа цэргийн тусгай ажиллагаатай уялдуулж, бид нарын хамтын ажиллагааг сөргөөр хүлээж авсан байна. — Поставка белорусской техники вызвала негативную реакцию у части монгольских граждан. Это связано со специальной военной операцией, проводимой Россией на Украине, и наше сотрудничество было воспринято негативно*);

2) журналист не включает призыв Лукашенко к монголам по аналогии с Чингисханом и упускает эмоциональные аспекты его речи: *Почему монголы сегодня, имея параллель с Чингисханом, которому вы преклоняетесь, и я президента поддержал, это великая страница великой истории у вас, вы ею гордитесь? Почему при этой параллели вы осуждаете Россию, а тем более Беларусь, которая выступила гарантом мирных переговоров.*

Это вполне могло быть сознательное решение журналиста. Включение призыва Лукашенко к монголам по аналогии с Чингисханом и упоминание эмоциональных аспектов речи могли бы усилить воздействие и убедительность его аргументов. Однако исключение этих элементов может свидетельствовать о желании журналиста представить более нейтральное или рациональное освещение событий, либо о стремлении избежать провокационных или спорных утверждений, которые могут вызвать дополнительные дискуссии или разногласия среди аудитории.

В третьей статье «А. Г. Лукашенко Украин руу дайрсан Оросын үйлдлийг Чингис хааныхтай адил гэв» (А. Г. Лукашенко сравнил действия России по вторжению* в Украину с действиями Чингисхана), как и в предыдущих статьях, выявлены неточности в передаче оригинальных высказываний Александра Лукашенко. Например, допущена та же ошибка, что и в предыдущих двух статьях. В статье говорится о негативном восприятии монгольским населением поставок оборудования из Беларуси в Монголию, тогда как Лукашенко в своей речи не упоминал об этом. Он говорил о помощи Беларуси России в контексте специальной военной операции на Украине. Это искажение меняет восприятие его выступления. Важно отметить, что точность в передаче контекста и фактов имеет решающее значение для правильного понимания заявлений политиков.

Далее, рассмотрим еще одно конкретное несоответствие:

фрагмент статьи	фрагмент выступления А. Лукашенко
<i>Бид зөвхөн газар нутгаа л хамгаалсан. Чингис хаан ч тухайн үедээ өөрийн газар нутгаа хамгаалах бодлого л явуулж байсан. Харин өнөөдөр Украин Улс өмнөх зуун шиг хүмүүсийг амьдаар нь шатааж эхэлсэн. Үүнтэй зэрэгцэн В. Путин тэнд байгаа өөрийн иргэдээ хамгаалах бодлого явуулсан. (Мы защищали только свою тер-</i>	Но при чем здесь Чингисхан? Я вам рассказал, как Чингисхан защищал своих соотечественников. И когда в Украине начали натурально в новом веке в современном мире сжигать людей в домах... А общество Одессы? Посмотрите Одессу, как там сжигали людей, русских людей? Общество российское начало давить на президента Путина и на власть. Вы должны их защитить. Параллельно Путин защитил своих людей там.

риторию. Чингисхан в своё время также проводил политику защиты своей территории. Но сегодня Украина начала сжигать людей заживо, как и в прошлом веке. В то же время Путин также проводил политику защиты своих граждан.)

Эмоциональные аспекты речи Лукашенко охватывают трагические события в Одессе, защиту людей и роль Путина, при этом проводится аналогия между действиями Чингисхана по защите своих соотечественников и действиями Путина. В монгольской статье журналист лишь приводит общее утверждение, что Украина начала сжигать людей, как и в прошлом веке, что не передает конкретику, упомянутую Лукашенко о трагических событиях в Одессе. Эмоциональный посыл Лукашенко в этом фрагменте заключается в акцентировании конкретных исторических и современных трагедий, которые должны усилить аргументацию о необходимости защиты и оправдать действия России. Недостаток конкретики в монгольской статье ослабляет это эмоциональное воздействие и упрощает восприятие, делая его менее убедительным и насыщенным.

Анализ монгольских статей, основанных на заявлении Александра Лукашенко, показывает, что авторская интенция и оценочно-эмоциональная составляющая его речи были переданы с различной степенью точности. В ряде случаев статьи, которые мы проанализировали, передавали основные идеи и факты, но часто терялись важные эмоциональные и риторические элементы речи политика, что может повлиять на восприятие монгольской аудиторией при чтении данных материалов.

Во-первых, необходимо отметить, что Лукашенко активно использует исторические параллели, личные обращения и эмоционально насыщенные выражения для усиления своего послания. Например, в своих выступлениях он часто упоминает Чингисхана, сравнивая его действия по защите своей империи с современными действиями России и Беларуси. Это помогает ему создать нарратив исторической преемственности и легитимности действий, что является важной частью его риторики. Однако в материалах статей эти элементы часто теряли свою эмоциональную и риторическую силу. Например, сравнение с Чингисханом не всегда было передано с той же степенью эмоциональной насыщенности и исторической значимости, что ослабляло аргументацию Лукашенко.

Во-вторых, авторская интенция Лукашенко, направленная на установление дру-

жеских и партнерских отношений с Монголией, была иногда искажена или смещена. В оригинале Лукашенко подчеркивал важность взаимного уважения и сотрудничества, выражал готовность поддержать Монголию в ее экономических инициативах и укреплении связей с ЕАЭС. В монгольских статьях эти элементы иногда терялись или передавались недостаточно точно, что могло ослабить восприятие его намерений как искренних и альтруистических. Например, в статьях акцент на взаимовыгодное сотрудничество и солидарность был ослаблен, что могло привести к недопониманию или интерпретации его слов как корыстных.

Помимо этого, эмоциональные аспекты речи Лукашенко, связанные с трагическими событиями на Украине и защитой людей, не всегда передавались с нужной степенью конкретности и эмоционального воздействия. Например, его упоминания о событиях в Одессе и защитной роли Путина часто передавались более общими выражениями, что снижало эмоциональную насыщенность и убедительность его аргументов. Эти элементы играют ключевую роль в создании сильного эмоционального отклика аудитории, и их отсутствие или ослабление в публикациях может существенно изменить восприятие речи.

На основании вышеизложенного, можем утверждать, что основные темы, нарративы выступления Лукашенко были переданы в монгольских статьях. Однако недостаток точности в передаче эмоционально-оценочных аспектов и авторской интенции, ослабляя воздействие его слов, может изменять смысловой контекст, существенно влияя на восприятие его речи монгольской аудиторией. Тем самым подчеркивается важность не только точного перевода слов, но и сохранения эмоциональной и риторической силы оригинала для обеспечения адекватного восприятия и интерпретации политических заявлений политиков.

Кроме того, анализ показал, что политическая конъюнктура и геополитическая ситуация могут оказывать значительное влияние на перевод общественно-политических текстов. В условиях современной международной напряженности и политических разногласий переводчики и журналисты могут сталкиваться с необходимостью адаптировать тексты для соответствия внешней политике своей страны. Это особенно важно в контексте стран, таких как Монголия, которая сохраняет нейтральную позицию по вопросу специальной военной операции России на Украине. Такой же нейтральной позиции придерживаются СМИ Монголии, особенностью которых является «переводной» харак-

тер статей на тему СВО. В отсутствие собственных источников, они часто ссылаются на западные СМИ, в которых тот или иной политический окрас присутствовать может, но он не может заинтересовать нас, поскольку не отражает точку зрения монгольского автора.

В таких случаях, переводчики и журналисты могут сознательно или бессознательно модифицировать эмоционально-оценочную составляющую и авторскую интенцию при переводе политических текстов, стремясь минимизировать риски возникновения конфликтных ситуаций или провокационных интерпретаций. Эти изменения могут проявляться через смягчение, упрощение или даже исключение определенных аспектов речи, что в конечном итоге влияет на восприятие аудитории. Например, некоторые элементы риторики Лукашенко, такие как сравнения с прецедентными именами (Чингисхан) или эмоциональные обращения, могут быть ослаблены или опущены, чтобы не вызвать неоднозначной реакции у местной аудитории.

Такое изменение переводов имеет важные последствия для восприятия политических сообщений. Искажения или упущения в переводе могут привести к значительным различиям в понимании намерений и действий политических лидеров, что, в свою очередь, может влиять на общественное мнение и дипломатические отношения между странами.

Таким образом, наше исследование подтверждает, что политическая конъюнктура и геополитическая ситуация могут существенно влиять на перевод общественно-политических текстов, приводя к изменениям в передаче авторских интенций и эмоционально-оценочной составляющей. Это подчеркивает важность гибкого подхода в переводе с учетом контекста, чтобы обеспечить точное и эффективное восприятие текста, особенно в рамках международных отношений и общественного восприятия.

В нашем исследовании имеются ограничения, так как оно было направлено на изучение перевода только одного политического выступления, не охватывая лингвостилистические элементы, такие как эпитеты, метафоры и другие риторические средства. Это ограничивает понимание того, как эти элементы влияют на восприятие текста после перевода. В перспективе планируется исследование этих элементов для более глубокого понимания их влияния на перевод и восприятие текста в различных контекстах. Также, в дальнейшем, можно рассмотреть влияние политической конъюнктуры и геополитических факторов на перевод текстов в разных языковых и культурных контекстах, что позволит выявить более общие тенденции.

ИСТОЧНИКИ

1. Сайт news.mn. — URL: <https://news.mn/r/2727784/> (дата обращения: 28/07/2024). — Текст : электронный.
2. Сайт itoim.mn. — URL: <https://itoim.mn/a/2024/06/03/president/lqw> (дата обращения: 28/07/2024). — Текст : электронный.
3. Сайт sonin.mn. — URL: <https://www.sonin.mn/newsDetail/3567> (дата обращения: 28/07/2024). — Текст : электронный.
4. Сайт youtube.com. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c1Q322BYYgc> (дата обращения: 28/07/2024). — Видеоизображение : электронное.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бокмельдер, Д. А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук / Бокмельдер Д. А. — Иркутск, 2000. — 140 с. — Текст : непосредственный.
2. Борисенко, В. А. Вербальная репрезентация образа политика в политическом дискурсе: прагмалингвистический подход / В. А. Борисенко, Т. Ю. Мкртчян, М. В. Самофалова. — Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2017. — 160 с. — Текст : непосредственный.
3. Бродский, М. Ю. Политический дискурс и перевод / М. Ю. Бродский. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 1 (35). — С. 103–111.
4. Будаев, Э. В. «Могут ли метафоры убивать?»: прагматический аспект политической метафоры / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2006. — № 20. — С. 67–75.
5. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2006. — 267 с. — Текст : непосредственный.
6. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Лингвокультурология. — 2007. — № 1. — С. 19–35.
7. Будаев, Э. В. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2008. — № 3 (26). — С. 37–48.
8. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. — Нижний Тагил : Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2011. — 360 с. — Текст : непосредственный.
9. Будаев, Э. В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6 (60). — С. 12–17.
10. Васильев, А. Д. Роли и функции эпитетов в текстах политической тематики : моногр. / А. Д. Васильев, Ф. Е. Подсохин. — Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2017. — 216 с. — Текст : непосредственный.
11. Волкова, Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода / Т. А. Волкова. — Москва : Флинта, 2010. — 125 с. — Текст : непосредственный.
12. Волкова, М. А. Применение политического дискурса-анализа в решении идеологических задач (на примере медиатизации политических текстов) : дис. ... канд. филол. наук / Волкова М. А. — Краснодар, 2007. — 191 с. — Текст : непосредственный.
13. Гаврилова, М. В. Лингвистический анализ политического дискурса / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Политический анализ. — 2002. — № 3. — С. 88–108.
14. Гаврилова, М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 3. — С. 127–139.
15. Дементьева, М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе / М. К. Дементьева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 4 (30). — С. 82–92.
16. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков. — Текст : непосредственный // Политическая наука. — 2002. — № 3. — С. 31–44.
17. Дискурсивные маркеры: прагмалингвистический и прагмалингводидактический аспекты : коллективная моногр. / С. В. Шустова, Е. Р. Журавлева, О. Н. Путина, Е. В. Исаева. —

Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. — 180 с. — Текст : непосредственный.

18. Михалева, О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : моногр. / О. Л. Михалева. — Иркутск : [Иркут. гос. ун-т], 2005. — 319 с. — Текст : непосредственный.
19. Перельгут, Н. М. О структуре понятия «политический дискурс» / Н. М. Перельгут, Е. Б. Сухоцкая. — Текст : непосредственный // Вестник Нижневартковского государственного университета. — 2013. — № 2. — С. 35–41.
20. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафоры / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сатаров, Е. А. Шипова. — Москва : Фонд «ИНДЕМ», 2004. — 96 с. — Текст : непосредственный.
21. Попова, Е. А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газ. интервью) : дис. ... канд. филол. наук / Попова Е. А. — Волгоград, 1995. — 235 с. — Текст : непосредственный.
22. Русакова, О. Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О. Ф. Русакова, Д. А. Максимов. — Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2006. — № 4. — С. 26–43.
23. Савельева, И. В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты моделирования : дис. ... д-ра филол. наук / Савельева И. В. — Кемерово, 2022. — 496 с. — Текст : непосредственный.
24. Сдобников, В. В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Сдобников В. В. — Москва, 2015. — 22 с. — Текст : непосредственный.
25. Слово в действии: интен-анализ политического дискурса / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова, В. В. Латынов [и др.]. — Москва : Алетейя, 2000. — 320 с. — Текст : непосредственный.
26. Степанова, В. В. Перевод и адаптация политических текстов / В. В. Степанова, С. Ю. Новикова, О. Н. Федорова. — Текст : непосредственный // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 26 сент 2016 г. — Чебоксары : Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, 2016. — Вып. 3. — С. 245–248.
27. Цурикова, Л. В. Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен / Л. В. Цурикова. — Текст : непосредственный // Эссе о социальной власти языка / под ред. Л. И. Гришаевой. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. — С. 94–102.
28. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.
29. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.
30. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 53–59.
31. Шейгал, Е. И. Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2007. — № 2 (22). — С. 86–93.
32. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с. — Текст : непосредственный.

MATERIALS

1. Site news.mn. Retrieved Jul. 28, 2024, from <https://news.mn/r/2727784/>
2. Site itoim.mn. Retrieved Jul. 28, 2024, from <https://itoim.mn/a/2024/06/03/president/lqw>
3. Site sonin.mn. Retrieved Jul. 28, 2024, from <https://www.sonin.mn/newsDetail/>
4. Site youtube.com. Retrieved Jul. 28, 2024, from <https://www.youtube.com/watch?v=c1Q322BYYgc>

REFERENCES

1. Bokmel'der, D.A. (2000). *Strategii ubezhdeniya v politike: analiz diskursa na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka*

- [Persuasion strategies in politics: discourse analysis based on modern English] [Dis. of Cand. of Philology]. Irkutsk, 140 p. (In Russ.)
2. Borisenko, V.A. (2017). *Verbal'naya reprezentatsiya obraza politika v politicheskom diskurse: pragmalingvisticheskiy podkhod* [Verbal representation of the politician's image in political discourse: a pragmalinguistic approach]. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy federal'nyy universitet, 160 p. (In Russ.)
 3. Brodskiy, M.YU. (2011) Politicheskiy diskurs i perevod [Political discourse and translation] *Political Linguistics*, 1(35), 103–111. (In Russ.)
 4. Budayev, E.V. (2006). «Mogut li metafory ubivat'?: pragmaticeskyy aspekt politicheskoy metaforiki [Can Metaphors Kill?: Pragmatic Aspect of Political Metaphorics] *Political Linguistics*, 20, 67–75. (In Russ.)
 5. Budayev, E.V., & Chudinov, A.P. (2006). *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern Political Linguistics]. Yekaterinburg, 267 p. (In Russ.)
 6. Budayev, E.V. (2007). Stanovleniye kognitivnoy teorii metafory [The Formation of Cognitive Metaphor Theory. Lingvokul'turologiya]. *Lingvokul'turologiya*, 1, 19–35. (In Russ.)
 7. Budayev, E.V. (2008). Kognitivno-diskursivnyy analiz metafory v politicheskoy kommunikatsii [Cognitive-Discursive Analysis of Metaphor in Political Communication]. *Political Linguistics*, 3(26), 37–48. (In Russ.)
 8. Budayev, E.V. (2011). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative Political Metaphorology]. Nizhniy Tagil: Rossiyskiy gosudarstvennyy professional'no-pedagogicheskiy universitet, 360 p. (In Russ.)
 9. Budayev, E.V. (2016). Kriticheskiy analiz politicheskogo diskursa: osnovnyye napravleniya sovremennykh zarubezhnykh issledovaniy [Critical Analysis of Political Discourse: Main Directions of Contemporary Foreign Research]. *Political Linguistics*, 6(60), 12–17. (In Russ.)
 10. Vasil'yev, A.D. (2017). *Roli i funktsii epitetov v tekstakh politicheskoy tematiki: monografiya* [Roles and Functions of Epithets in Political Texts: Monograph]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 216 p. (In Russ.)
 11. Volkova, T.A. (2010). *Diskursivno-kommunikativnaya model' perevoda* [Discursive-Communicative Model of Translation]. Moscow: Flinta, 125 p. (In Russ.)
 12. Volkodav, M.A. (2007). *Primeneniye politicheskogo diskursa-analiza v reshenii ideologicheskikh zadach (na primere mediatizatsii politicheskikh tekstov)* [Application of Political Discourse Analysis in Solving Ideological Problems (On the Example of Mediatization of Political Texts)] [Dis. of Cand. of Philology]. Krasnodar, 191 p. (In Russ.)
 13. Gavrilova, M.V. (2002). Lingvisticheskiy analiz politicheskogo diskursa [Linguistic Analysis of Political Discourse]. *Politicheskyy analiz*, 3, 88–108. (In Russ.)
 14. Gavrilova, M.V. (2004). Politicheskiy diskurs kak ob'yekt lingvisticheskogo analiza [Discourse as an Object of Linguistic Analysis]. *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 3, 127–139. (In Russ.)
 15. Dement'yeva, M.K. (2009). Yazykovyye sredstva vyrazheniya otsenki v sovremennom rossiyskom ofitsial'nom politicheskome diskurse [Linguistic Means of Expressing Evaluation in Contemporary Russian Official Political Discourse]. *Political Linguistics*, 4(30), 82–92. (In Russ.)
 16. Dem'yankov, V.Z. (2002). Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political Discourse as an Object of Political Philology] In *Politicheskaya nauka*, (Iss 3), 31–44. (In Russ.)
 17. Shustova, S.V., Zhuravleva, Ye.R., Putina, O.N., & Isayeva, Ye.V. (2020). *Diskursivnyye markery: pragmalingvisticheskiy i pragmalingvodidakticheskiy aspekty* [Discursive Markers: Pragmatic and Pragmalinguodidactic Aspects] [Monograph]. Perm': Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 180 p. (In Russ.)
 18. Mikhaleva, O.L. (2005). *Politicheskyy diskurs kak sfera realizatsii manipulyativnogo vozdeystviya* [Political Discourse as a Sphere of Manipulative Influence]. Irkutsk: [Irkut. gos. un-t], 319 p. (In Russ.)
 19. Pere'l'gut, N.M. (2013). O strukture ponyatiya «politicheskyy diskurs» [On the Structure of the Concept «Political Discourse»] *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 35–41. (In Russ.)
 20. Baranov, A.N., Mikhaylova, O.V., Satarov, G.A., Shipova, Ye.A. (2004). *Politicheskyy diskurs: Metody analiza tematicheskoy struktury i metaforiki* [Political Discourse: Methods for Analyzing Thematic Structure and Metaphor]. Moscow: Fond «Indem», 96 p. (In Russ.)
 21. Popova, Ye.A. (1995). *Kul'turno-yazykovyye kharakteristiki politicheskogo diskursa (na materiale gaz. interv'yu)* [Cultural and Linguistic Characteristics of Political Discourse (Based on Newspaper Interviews)] [Dis. of Cand. of Philology]. Volgograd, 235 p. (In Russ.)
 22. Rusakova, O.F. (2006). Politicheskaya diskursologiya: predmetnoye pole, teoreticheskiye podkhody i strukturnaya model' politicheskogo diskursa [Political Discourse Studies: Subject Field, Theoretical Approaches and Structural Model of Political Discourse]. *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 4, 26–43. (In Russ.)
 23. Savel'yeva, I.V. (2022). *Neprofessional'nyy politicheskyy diskurs kak novoye kommunikativnoye yavleniye: lingvopragmaticheskiy i lingvopersonologicheskiy aspekty modelirovaniya* [Non-professional Political Discourse as a New Communicative Phenomenon: Linguopragmatic and Linguopersonological Aspects of Modeling] [Dis. of Doct. of Philology]. Kemerovo, 496 p. (In Russ.)
 24. Sdobnikov, V.V. (2015). *Kommunikativnaya situatsiya kak osnova vybora strategii perevoda* [Communicative Situation as the Basis for Choosing Translation Strategy] [Abstract of Dis. of Doct. of Philology]. Moscow, 22 p. (In Russ.)
 25. Ushakova, T.N., Pavlova, N.D., & Latynov, V.V. (2000). *Slovo v deystvii: intent-analiz politicheskogo diskursa* [Word in Action: Intent Analysis of Political Discourse]. Moscow: Izdatel'stvo Aleteyya, 320 p. (In Russ.)
 26. Stepanova, V.V. (2016). Perevod i adaptatsiya politicheskikh tekstov [Translation and Adaptation of Political Texts]. In *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedeniye: aktual'nyye voprosy i perspektivy issledovaniya: Sbornik m-lov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Cheboksary, 26 sentyabrya 2016 goda* (Iss. 3, pp. 245–248). (In Russ.)
 27. Tsurikova, L.V. (2001). Politicheskaya korrektnost' kak sotsiokul'turnyy i pragmalingvisticheskiy fenomen [Political Correctness as a Sociocultural and Pragmatic Phenomenon]. In L.I. Grishayeva, *Esse o sotsial'noy vlasti yazyka* (pp. 94–102). Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.)
 28. Chudinov, A.P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical Mosaic in Contemporary Political Communication]. Ekaterinburg: Ural. St. Ped. Univ., 248 p. (In Russ.)
 29. Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika: uchebnoe posobie* [Political linguistics: a study book]. Moscow: Flinta, 256 p. (In Russ.)
 30. Chudinov, A.P. (2012). Diskursivnyye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii [Discursive characteristics of political communication]. *Political Linguistics*, 2(40), 53–59. (In Russ.)
 31. Sheygal, Ye.I. (2007). Mnogolikiy narrativ [Multifarious Narrative]. *Political Linguistics*, Iss. 2(22), 86–93. (In Russ.)
 32. Sheygal, Ye.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow: Gnozis, 324 p. (In Russ.)

ПРИМЕЧАНИЕ

* Это наименование СВО из статьи монгольских СМИ противоречит установленным действующим законодательством РФ требованиям, официальным сводкам Министерства обороны РФ, приводится здесь в качестве прямой цитаты.